

Режиссёр всё ещё просматривал предыдущие дубли, а Сюй Гэ тем временем сидела на стуле рядом, позволяя гримёрше поправлять макияж, и одновременно повторяла реплики по сценарию.

На самом деле у Цзи Аня было не так уж много слов. Появившись в самом начале фильма как будущий правитель Ледяного города, Цзи Ань придерживалась образа холодной, невыразительной и безупречно утонченной красавицы. Хотя раньше Сюй Гэ никогда не снималась в кино, раз уж требовалось сыграть просто безэмоциональную куклу, с этим она справиться могла.

Гримёрша, сестра Ли, была молодой красивой женщиной лет двадцати семи-восьми с яркими чертами лица и изысканным макияжем. По сравнению с Сюй Гэ, обладавшей нулевым уровнем притягательности, её соблазнительные и женственные формы бросались в глаза безо всяких усилий. Стоило сестре Ли подойти к Сюй Гэ, как на её лице появилась улыбка. — Сделав лицо попроще, она протянула обе руки к слегка пухлому лицу Сюй Гэ. Хлопая ресницами и причмокивая, она протянула руки: У Сяогэ такая прекрасная кожа, можно сниматься и без тяжелого макияжа! Дай-ка старшей сестрице сначала ущипнуть тебя за щеку! Должно признаться, красивым людям всегда выпадает больше милости. Хотя способность Сюй Гэ «любовь с первого взгляда» оказалась бесполезна против женщин, её личико изначально принадлежало к тому миловидному типу, который не вызывает зависти. Даже когда она ходила с вечно невозмутимым, каменным выражением лица, это всё равно заставляло окружающих испытывать непреодолимое желание: какая же славная малышка, так бы и забрал её домой, чтобы опекать. Сюй Гэ сидела с растрепанными волосами, ее щеки горели красным от недавних прикосновений, а в глазах, ясных и чистых, блестели слезы. Хотя она изо всех сил старалась сохранять невозмутимое выражение лица, выглядела она как жертва домогательств, которая вот-вот разрыдается.

— Сестрица Ли... нет, прошу, не надо... — пробормотала она.

Сестрица Ли мысленно впала в ступор: «Да что ж такое?! Откуда это бешеное желание повалить ее, сорвать одежду и довести до слез? Я же не люблю девушек! Я же не извращенка, черт возьми!»

Сюй Гэ, не осознавая своей роли «красивой куклы» и не понимая, насколько убийственно для окружающих превращение холодной королевы в беззащитную хрупкую девушку, смотрела на остолбеневшую женщину, которая все еще не убирала руки:

— Эм, пожалуйста... отпустите меня...

Сестрица Ли едва не выла от отчаяния: «Ладно, признаю! Я люблю девушек! Я — извращенка...»

— Сюй Гэ, ты закончила? — раздался за спиной низкий приятный голос.

Сюй Гэ облегченно выдохнула и обернулась:

— Цзян Ли?

Цзян Ли кивнула, мельком бросила холодный взгляд на сестрицу Ли, а затем снова посмотрела на Сюй Гэ:

— Я пришла разобрать с тобой сцену. Иначе из-за твоей ужасной актерской игры съемочная группа не досчитается дублей.

Сюй Гэ фыркнула:

— Быть красивой куклой для декораций — это я еще как-нибудь осилю. — Ты думаешь, быть красивой куклой так просто? — Цзян Ли сидела рядом с Сюй Гэ с бесстрастным выражением лица. — Ты знаешь, в какой момент какое выражение лица выглядит красивее всего? Сможешь ли ты с идеальной улыбкой просидеть в воде при минусовой температуре? Ты знаешь, какие движения нужно сочетать с тем или иным выражением, чтобы это выглядело изящно и привлекательно? Сможешь ли ты, когда фанаты забросают тебя тухлыми яйцами, не забывая сохранять улыбку и одновременно строить на камеру самое жалостливое выражение лица?

...Проклятье! Эту мошенницу действительно нечем крыть!

Менеджер Ли тоже слегка недоумевала. В кругу шоу-бизнеса Цзян Ли всегда славилась отменным нравом: ее мягкий, вежливый и терпеливый характер перед лицом как поклонников, так и новичков был известен на весь мир. Однако в общении с Сюй Гэ от нее почему-то неизменно веяло легким запахом пороха.

Неужели у них были какие-то личные счеты? Но ведь Сюй Гэ — всего лишь новенькая, чистый листок бумаги, откуда ей брать возможность оскорбить киноимператрицу Цзян? Ломай менеджер Ли голову сколько угодно, она все равно не догадается, что эти двое не просто враждовали, а враждовали кровно: у одной это была смертельная обида, у другой — ненависть из-за интимных фотографий!

Увидев, что Сюй Гэ с каменным лицом не может найти возражений, Цзян Ли лишь слегка улыбнулась и принялась подробно объяснять Сюй Гэ ее предстоящую сцену.

Для этой сцены Сюй Гэ требовался более зрелый и элегантный макияж — юноша лет двадцати... Да, в этом эпизоде ей предстояло переодеться в мужскую одежду. К счастью, ростом Сюй Гэ не обидели, и если она затыгивала лицо и молчала, то выглядела вполне взрослой... К тому же в этой сцене ей даже не нужно было показывать лицо.

Имея поблизости киноимператрицу, менеджер Ли не смела задерживаться надолго и, как только макияж был закончен, быстро удалилась. Сюй Гэ проводила взглядом удаляющуюся спину менеджера Ли, украдкой покосилась на Цзян Ли, а затем резко отвернула голову в сторону:

— Спасибо тебе сегодня!

Цзян Ли с легким удивлением подняла на Сюй Гэ взгляд и улыбнулась:

— Просто хотела, чтобы ты поскорее вернула мне мои фотографии, хранящиеся в твоём почтовом ящике.

Почтовых сервисов существовало множество, и под крылом крупнейших почтовых сайтов насчитывались неисчислимые миллиарды пользователей, а писем ходили и вовсе сотни миллиардов или даже триллионы. Даже самый лучший хакер не смог бы отыскать среди этого песчаного океана звезд хотя бы одно конкретное письмо, а в тот день, когда Сюй Гэ вдобавок разбила выстрелом телефон и карту памяти, надежды найти их не осталось вовсе.

— На самом деле... — Сюй Гэ захлопала глазами. — На самом ли деле в моем ящике вообще не было никаких интимных фото? В тот день я истекала кровью, у меня кружилась голова, все вокруг шло кувырком, и я понятия не имела, был ли объектив направлен на тебя. Откуда у меня взялись силы загружать что-то на почту...

Цзян Ли: ...Что делать, так и тянет кого-нибудь убить!

Сюй Гэ громко рассмеялась:

— Мисс мошенница, а ведь тебя все-таки разок провели.

Цзян Ли смотрела на сияющее радостным смехом лицо девушки: расслабленные брови, изогнутые дугой глаза, безудержное веселье. Эта красота разительно отличалась от ее обычного ледяного облика. Цзян Ли молча смотрела на неё какое-то время, а затем отвела взгляд:

— Глупышка, ты вот так просто заявляешь о подобном, неужели не боишься, что я тебя убью, чтобы замести следы?

Сюй Гэ с улыбкой произнесла:

— Я уверена в том, что говорю, а раз так, то у меня, разумеется, хватит уверенности снова сделать твои фото в обнаженном виде!

Цзян Ли: «.....» Мысль о том, что она только что показала себя такой милой, определенно была её иллюзией!

Хотя Цзи Ань появлялась в «Путешествии среди льдов и снегов» всего три раза — в начале, середине и конце, её роль в фильме была крайне важна.

Настроив работу всех отделов, режиссер велел готовиться к съемкам следующей сцены.

— Приготовиться к шестнадцатой сцене... Следите за моим знаком: оператор начинает съемку с нижней точки, а когда появится Цзи Ань, осветитель — не забудьте сделать свет ярче. Оператор снимает снизу вверх, всем понятно?

— !

По команде хлопнула опустилась.

Камера приближается издалека: юная двенадцатилетняя принцесса Уся во время Праздника фонарей тайком сбежала из дворца, оторвалась от охраны и, надев случайно купленную маску, с улыбкой прогуливается по шумной улице. Продавцы фокусов и уличные актеры, торговцы леденцами на палочке, сахарными фигурками и глиняными игрушками — всё, абсолютно всё казалось невероятно новым и удивительным для Уся, которая родилась и выросла в глубоких покоех дворца.

Внезапно позади раздался безумный топот копыт и крики. Обернувшись, Уся увидела пьяного молодого аристократа, который скакал прямо на нее, намереваясь растоптать!

— Сдохни, паршивая девчонка, а ну прочь с дороги! — пьяно бормотал мажор, не теряя при этом своего наглого высокомерия.

Разъяренный конь неся вскачь, казалось, еще мгновение — и эта девочка обагрит мостовую своей кровью. Из толпы донеслись бесчисленные испуганные вздохи и крики, многие отвернулись, не в силах смотреть на столь жестокую и кровавую сцену.

В воздухе мелькнуло что-то белое, раздался глухой стук: огромный породистый скакун вместе со своим седоком рухнул на землю, а девочка, стоявшая там только что, бесследно исчезла.

Засвистел ветер. Незнакомец владел легкими шагами в совершенстве: сделав всего несколько прыжков, он взмыл в окно какого-то ресторана на краю улицы. Юнь Уся ощутила лишь головокружение, а затем тот человек снял маску со своего лица. Она открыла глаза, но лица его не увидела — тот уже успел надеть её собственную маску.

Юнь Уся снизу вверх смотрела на него: перед ней были лишь белые сапоги, белые одежды и кожа, белизной превосходившая снег. Его лицо скрывала самая обычная маска за три монеты. Виден был лишь подбородок, словно выточенный из белого нефрита, и ярко-красные губы, казалось, стоило им слегка приоткрыться, как они принесли бы с собой всю прелесть весеннего пейзажа.

Юнь Уся во все глаза смотрела на человека перед ней, её круглые глаза то и дело бегали по сторонам. Пережитый пару мгновений назад смертельный ужас, казалось, ничуть не испугал её, и вскоре к ней вернулись изящество и невозмутимость императорской принцессы. Кроме него, ей еще никогда не доводилось встречать столь утонченного и элегантного человека; даже малейшей приоткрытой части лица было достаточно, чтобы заставить людей восхищенно замереть.

— Ты кто такой?

Человек не ответил. Подняв чашу с вином, он подошел к окну и стал пить в одиночестве. У окна легко веял ветерок, холодный воздух любовно играл с его мягкими длинными прядями, принося к Юнь Уся легкий аромат его духов.

— Ты подумай как следует... Я ведь принцесса государства Юнь, и всё, чего ты пожелаешь, я могу тебе дать!

Мужчина по-прежнему никак не отреагировал, словно вовсе не слышал слов Юнь Уся. Тогдашняя капризная принцесса лукаво сверкнула глазами и швырнула в девушку винную чашу, стоящую на столе. Она знала, что этот мужчина — непревзойденный мастер, и обычная чаша, разумеется, не причинит ему вреда.

Она просто хотела заставить этого мужчину повернуться и посмотреть на нее. В тот момент она еще толком не понимала, чего именно добивается, но ей непременно нужно было, чтобы в его глазах отражалась только она одна.

Однако то, что произошло дальше, заставило ее в изумлении широко раскрыть глаза: в тот самый момент, когда чаша почти долетела до мужчины, прямо в воздухе распустился цветок ледяного снега, и раздался звонкий удар, отразивший летящий предмет.

Ледяные синие кристаллы растаяли так быстро, будто их никогда и не было.

Какая бы капризная и невежественная принцесса ни была, она все же понимала, что подобное — это сверхъестественное чудо, неподвластное смертным.

Принцесса Уся отступила на шаг и посмотрела на человека в белом:

— Кто ты в конце концов такой? Ты спас меня, чего ты хочешь взамен?

Осушив чашу до дна, мужчина опустил ее на стол. Голос его звучал ровно — казалось, он улыбается, — и был полон мягкости:

— Маска, приносящая ароматы, да окно с ветерком при луне — этого достаточно.

С этими словами он легко выпрыгнул из окна. Юнь Уся торопливо подбежала к окну и заглянула вниз, но на улице кишел бесчисленный народ, и от белоснежных одежд не осталось и следа.

Грохотали непрекращающиеся петарды, бесчисленные фейерверки освещали ночное небо столицы. Праздник фонарей в государстве Юнь в этот год выдался столь же шумным и оживленным, однако в ту ночь младшая и самая любимая дочь императора, избалованная принцесса, прижавшись к оконному стеклу, почему-то горько плакала, едва не заливаясь слезами.

— Отец-император, неужели на свете есть кто-то способный повелевать инеем, морозом и метелью?

— Хм, ну, это, пожалуй, искусство бессмертных.

— А смертные могут увидеть бессмертных?.. Эх...

— Ой, почему это Уся плачет?.. Если смертный станет невероятно, невероятно сильным, то, должно быть, сможет увидеть бессмертных.

— Нужно стать очень сильным?..

...

<http://bllate.org/book/21767/2251023>